

Андрей Белый

ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСТВА

Статьи
Воспоминания
Публикации

Москва
Советский писатель
1988

ББК 83 3Р7
А 65

Составители
Ст. Лесневский, Ал. Михайлов

Художник
Виктор ВИНОГРАДОВ

4603010102—237
А ————— 428—87
083(02)—88
ISBN 5—265—00346—0

© Издательство
«Советский писатель», 1988

ПЕРЕПИСКА АНДРЕЯ БЕЛОГО И ФЕДОРА ГЛАДКОВА

Предисловие, публикация и примечания
С. В. Гладковой

Андрей Белый и Федор Гладков были знакомы всего полтора года, — смерть А. Белого (в январе 1934 года) прервала завязавшиеся отношения. Но сохранились письма, искренний и горячий тон которых свидетельствует о взаимной симпатии и интересе двух писателей друг к другу. Письма А. Белого к Ф. Гладкову хранятся в ЦГАЛИ (ф. 1052, оп. 5, ед. хр. 300), ответные письма Ф. Гладкова — в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (ф. 60, ед. хр. 58). Их переписка опубликована ранее в журнале «Вопросы литературы» (1977, № 8). Письмо Андрея Белого от 17 июня 1933 г. публикуется впервые в настоящем издании.

К сожалению, подробных сведений об истории взаимоотношений А. Белого и Ф. Гладкова пока нет. Известно только, что познакомились они на заседании группкома писателей ГИХЛа 19 июля 1932 года. Можно также предполагать вероятность их встречи на первом пленуме Оргкомитета Союза советских писателей, проходившем с 29 октября по 3 ноября 1932 года, где оба выступали в прениях. Из письма Ф. Гладкова (от 18 января 1933 года) видно, что он присутствовал на докладе в ГИХЛе «Основные особенности творчества Гоголя», который А. Белый прочитал 10 января 1933 года. Кроме того известно, что 9 ноября 1933 года А. Белый возвращался с заседания в ГИХЛе пешком вместе с Гладковым. (Сведения эти почерпнуты из «Летописи жизни и творчества А. Белого», составленной женой А. Белого — Клавдией Николаевной Бугаевой.)

Переписка относится к 1933 году. Темой ее является прежде всего роман Гладкова «Энергия» и статья А. Белого об этом романе (опубликована в журнале «Новый мир», 1933, № 4). Роман был посвящен М. Горькому, но не понравился ему. (См. переписку М. Горького и Ф. Гладкова. — Литературное наследство, 1963, т. 70, «Горький и советские писатели. Неизданная переписка», а также известную статью М. Горького «О прозе».) Обиженный отношением М. Горького, Гладков снял посвящение. Отношение Горького к роману отразилось на выступлениях некоторых критиков. В этой обстановке живейшее участие А. Белого очень поддерживало Гладкова.

С величайшим тактом, лишь в конце статьи отметив недостатки романа, А. Белый сосредоточил свое внимание на раскрытии «зерна», сути «Энергии». «Художественное произведение определяется менее всего внешними недостатками, а выявлением нерва творчества, — писал А. Бе-

Ф. В. Гладков. 1920-е годы

мый, — подобно тому как не случайным прищипком определяется впечатление от встречи с человеком».

Новизну романа А. Белый увидел в показе кризиса старых мировоззрений «под действием лучей из будущего». На каждом персонаже А. Белый замечает этот «луч из будущего», дающий «особый отблеск».

«Люди, разрывающие котлован для установки в нем гигантских фундаментов, — люди, строящие социализм... показаны в процессе линьки; прошлое сходит облупленной кожей с них...»

А. Белый высоко поставил произведение Gladkova: «Для данного отрезка времени — роман эпохальный по многогранности, уму, мастерству; он заражает читателей энергией своего восторга... грусть, сопутствующая восторгу, есть грусть о том, что медленен, труден реальный процесс перетирания людей друг о друга, что он сопровождается трагическим пожаром сознаний: «новый», загаданный нам человек — луч, вспыхнувший как перегорающее в нас страдание. Но показ Gladkovым процесса рождения из огня — доказ».

Последние годы жизни были для А. Белого во многом поворотными. Он с радостью встречает постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций», постоянно интересуется работой Оргкомитета Союза писателей и принимает в ней активное участие. Он хочет писать роман на производственную тему и «учиться новому очерку». Открытие Днепрогэса 10 октября 1932 года было пережито им как величайшее событие. В его выступлении 30 октября 1932 года на первом пленуме Оргкомитета присутствует образ Днепра, Днепрогэса: «Поворот партии к широким писательским кругам, вышедшим из интеллигенции, знаменует, что литература входит в полосу строительства, подобного строительству Днепростроя» (Советская литература на новом этапе. Стенограмма первого пленума Оргкомитета Союза советских писателей. М., 1933, с. 69). Поэтому интерес А. Белого к роману Ф. Gladkova «Энергия», более того, даже восторженно преувеличенное к нему отношение были не случайными.

В письмах не раз упоминается имя Григория Александровича — поэта Г. А. Санникова (1899—1969), человека, связанного дружбой как с Белым, так и с Gladkovым. Он пересылал иной раз письма А. Белого Ф. Gladkovу. В письме от 18 января 1933 года Г. Санников красочно рассказывает Gladkovу о докладе, который делал А. Белый 15 января в Доме Герцена. Доклад назывался «Гоголь и «Мертвые души» в постановке Художественного театра». «Доклад был потрясающий, — писал Г. Санников. — Ничего подобного за все последние годы на литературных собраниях не бывало... От овации, устроенной ему, он не знал куда деваться, растерялся, сконфузился и собирался нырнуть под стол» (ЦГАЛИ, ф. 1052, оп. 5, ед. хр. 448. См. также авторизованную стенограмму доклада А. Белого «Непонятый Гоголь». — «Советское искусство», 1933, 20 января).

Большой интерес представляет обмен мнениями двух писателей о литературной обстановке того времени. И А. Белый, и Ф. Gladkov ожидали многого от предстоящего съезда писателей, но они ясно видели и некоторые остаточные явления групповщины, необъективной критики — все то, что свойственно было РАППу и еще не до конца изжило себя в 1933 году.

В Оргкомитет были введены некоторые из бывших руководителей РАППа. Это вызывало опасения у части литераторов. Видя все возрастающее влияние в Оргкомитете А. Фадеева, Гладков опасался, что там будет процветать РАПП «в новых формах». Однако А. Фадеев раньше других понял ошибки РАППа и как в своих устных выступлениях, так и в печати неоднократно заявлял об этом. Что же касается Л. Авербаха, то основания для тревоги были, хотя он и не был введен в Оргкомитет. В заключительной речи на первом пленуме Оргкомитета председатель его И. М. Гронский отметил, что Авербах (а также Макарьев и отчасти Киришон) «оставили возможности для маневрирования», это же почувствовали и другие участники пленума. В частности, очень метко выразился по этому поводу А. Серафимович, который сказал, что «Авербах каялся в нужной для него мере... Что товарищу Авербаху можно сказать? «Хоть ты и в новой коже, но сердце у тебя все то же» (Советская литература на новом этапе. М., 1933, с. 138).

Для того времени характерен разговор о литературном методе, разговор о правде в литературе. В этом отношении интересно письмо А. Белого из Коктебеля от 17 июня 1933 года. А. Белый понимает правду как глубоко выстраданную художником, прошедшую через его личность, мучительно рожденную, почти недостижимую.

Написанное за полгода до смерти, это письмо-откровение приобретает особый смысл, раскрывая духовные и литературные искания поэта.

1

Абхазия
Новый Афон
Дом отдыха АБЦИКа

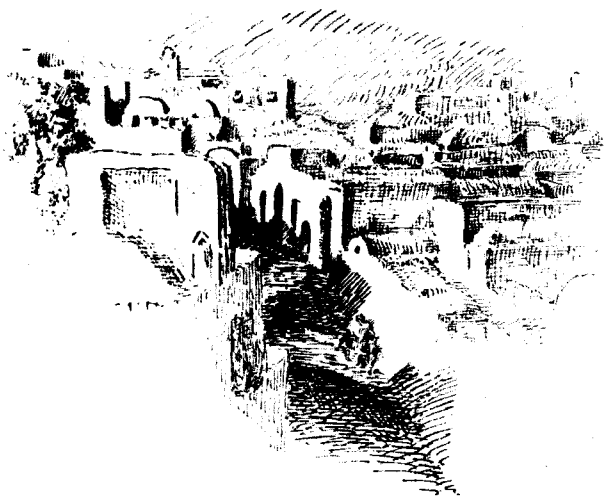
18—1—33

Дорогой Борис Николаевич!

Такое здесь горячее и богатое солнце и такая терпкая зелень, и море, и горы, что неудержимо захотелось приветствовать Вас и обнять любовно. Очень здесь хорошо — прямо наш май. Лошадей купают в море. Свежую редиску едим с грядки. Пожить бы Вам здесь — отогреться.

Московский литературный угар — вся эта чадная кухня с невежественными поварами и самоуверенными поварами — очень далеко. И на душе — свежо и целомудренно. Хочется работать, думать, мечтать, создать что-то большое, как мир. Сотворить что-то в движении, в солнце. Этакое новое, неповторимое. Мечтаю об этом и почему-то думаю прежде всего о Вас. Почему-то! Просто потому, что Вы оригинальный, тоже неповторимый, вечно обновляющийся человек, поэт и мыслитель. Вот здесь бы походить с Вами, понаслаждаться миром и побеседовать. Очень уж я люблю Вас с первых же встреч!

Думаю о своей «Энергии», которую я оставил в Москве, и мне скучно; много я в нее вложил сил, но кажется, что ничего из этого не вышло — устал, точно Сизиф. А ведь я чувствую, что сил у меня хватит на большее. Размышляю над вторым томом. Глубже и шире хочется взять. И я прошу Вас, милый Борис Николаевич, напишите мне все об этой моей книге, не

«Снова Радес». Рисунок А. А. Тургеневой. 1910. Иллюстрация к книге Андрея Белого «Путевые заметки»

скрывая ничего, не щадя меня: Ваше слово для меня крайне драгоценно. Вы — проникновенный человек, а это для меня — все: Ваше осуждение и Ваше одобрение для меня одинаково неоченимо. Я предполагаю, что Вы эти мои варварские гранки¹ уже прочли или прочтете, когда получите это письмо, тоже нацарапанное варварски. Я очень хотел бы, чтобы Вы написали статью о моей книге, но, дорогой Борис Николаевич, будьте откровенны: если Вам противно, прямо откажитесь — бросьте. Уверяю Вас, я не обижусь, не вознегодую, хотя и будет мне больно — не оттого больно, что Вы не захотите писать, а потому что работа моя не удалась, — за себя больно будет.

Гуляем мы здесь с Малышкиным² — днем, вечерами (небо черное, страшное, в ярких звездах) — и рассуждаем о многих вещах. Сегодня, напр<имер>, говорили о природе и машинах, и между ними человек. Машины, чем они ни сложнее, тем больше очеловечены — это торжество человеческой математической мысли. В каждой машине — воплощение психики и великолепнейший кристалл художественного воображения. Теперь человек воспринимает мир — от природы до электрической лампочки (производство ее очень сложно и красиво) — только в борьбе. Не состояние, а становление. Не созерцание, а действенная мысль, воля и мир — в буре движения и преображения. Вспоминаю Вашу речь о своей работе над Гоголем³, и я чувствую, что Вы мне близки по своей мятежности и юношескому беспокойству.

Простите за беспорядочность, за уродливые клочки мыслей: не могу выразить этого в коротком письме.

Очень хотелось бы, чтобы Вы написали мне: обрадовали бы Вы меня. Сердечный привет Клавдии Николаевне. Крепко, горячо жму Вам руку.

Ваш Фед. Гладков.

Адрес в заголовке письма.

¹ В 1933 году роман «Энергия» (кн. 1) вышел в издательстве «Федерация». Текст подвергся значительным исправлениям автора после первой, журнальной публикации.

² Зимой 1933 года Ф. Гладков жил в Новом Афоне вместе с А. Г. Малышкиным (1892—1938).

³ Имеется в виду доклад А. Белого «Основные особенности творчества Гоголя».

2

Москва. 2 февраля 33 г.

Дорогой Федор Васильевич, несказанно обрадовало меня Ваше письмо, как памятка обо мне; мне так радостно знакомство с Вами, потому что я с первой же встречи расслышал в Вас то, что мне так дорого: неугасимое кипение, но освещенное, как отблеском, музыкальной темой свободного, ясно кипущего творчества: нового человека — и в социальном, и в индивидуальном разрезе.

Мне ужасно стыдно, что я не тотчас же ответил Вам; но единственной причиной заминки с ответом были — Вы же, ибо я так спешил войти во все фибры «Энергии», и так эти недели меня рвали во все стороны, что все вечера почти оказались занятыми, а днем иногда скучная беготня; так что единственное время для писем, ночь, была посвящена упорному, непрерывному чтению «Энергии», чтобы успеть со статьей к февральскому номеру.

Читал я пристально, с рядом выписок для себя, чтобы вырвать, так сказать, в каждое из действующих лиц и пережить его в себе. И — милый Федор Васильевич, как же я благодарен случаю, заставившему меня углубиться в «Энергию» в чтении и в перечтении, ибо я в результате такого прочтения почувствовал себя столь обогащенным, что мне просто с усилием приходится выжимать из себя слова о некоторых, по-моему, недочетах романа, — до того подавляют их обильные роскоши, Вами вложенные в эту огромную работу.

Меня поражает, во-первых, новизна разработки темы; это же — симфония, исполняемая оркестром перетирающихся друг в друге мировоззрений; мировоззрительный контрапункт и удивительно умелое, так сказать, голосоведение (простите за музыкальные уподобления) проведены огромным мастером. Градация глав и главок в них есть как бы сложение дуэтов, квартетов, секстетов в тонкую ткань архитектоники целого, которое мною воспринимается так: в каждом из нас столетия углубляемый и утончаемый эгоцентрический человек силой невиданного сдвига сознаний, обусловленного небывалым строительством, — погашен; а новый человек, «человек-дитя», загадан в каждом, как отблеск (за исключением явных вредителей, которые в процессе чтения постепенно вычерчиваются).

Сперва видишь градацию фигурок, которые кажутся маленькими, как

Александр Блок в Киеве. 1907

стертыми котлованом, и в них трудно даже разобраться, ибо они вышли уже из возможности жить в старой жизни и не вошли в новую; лишь несколькими штрихами дано понять, что эти фигурки имеют за собой сложную, богато разработанную жизнь; но она стала в условиях новых лишь отбрасываемою каждым по-разному тенью; с другой стороны: каждый уже озарен будущим; но будущее это на большинстве — только отблеск. Так, — каждый тип, сперва показанный *коконом*, изжившим стадию гусеницы и еще не вылетевшим бабочкой из себя самого, в трагических коллизиях, вызванных трудностями работы, выявляет и свое «гусеничное» прошлое, и свои «крылатые» возможности: в будущем; и этот

тройной аспект в каждом (гусеница — бабочка — кокон) преодолевается каждым по-своему; тут-то и вступает тема целого: переработка эгоцентрического человека в социального, долженствующего явить новую, социалистическую личность; и победная тема *человека*, как такового, начинает прекрасно, отчетливо, но мягко, музыкально звучать; тема как бы сперва безличного отблеска становится личной; «человек-младенец» — в Мироне, в Кряжиче, в Балееве — имеет свое индивидуальное выражение, как отдельная тропа к загаданному их пересечению в еще не данном куполе, которым увенчается разрытая яма котлована; а котлован — СССР, вернее — новое, загаданное братство людей в нем.

Мне необыкновенно дорог тезис книги: *человек дела лучше человека слова*: показан человек в усилиях; в каждом — перерождение, пересечение себя со всем лучшим, что есть в других, — выволакивает каждого из ужаса возможности утонуть в прошлом (Мирон — едва не тонет, Кряжич — едва не потонул в закомном мраке (бред о шелкопряде). Проведен лозунг Гете:

Wer immer strebend sich bemüht
Den können wir erlösen.

(Фауст)¹

Каждый у Вас дан в величайшем напряжении *ума*; и строители, и вредители у Вас *умницы*; они даны в напряжении; и поэтому Ваша «Энергия», так сказать, двойко художественна; и в обычном смысле (разработка типажа, изобразительность, изумительные картины воды, природы, работ), и в новом; предметом художественной обработки у Вас явилась и *мысль*; «живомыслие», как художественная проблема, — это столь необычно в наши дни, когда и признанные мастера зачастую дают изображение человека в его разгильдействе; читаешь многих романистов; удивляешься их талантливому изображению людей; и протестуешь против того, на что направлен их талант: он направлен на изображение человека в разгильдействе; если изображен ученый, он изображен не как двигающий культуру, а как... «икающий»; у Вас каждый герой показан и в наилучших, наиумнейших потенциях.

Ваша «Энергия» необыкновенно умна, но не в смысле досадной расщепленности, которую многие противопоставляют подлинной стихии творчества; у Вас мысль, как творческая энергия, — главный объект; и из нее-то и выпрыдывается новый человек в каждом.

Труднейшая, нужнейшая тема; и — *новая* во всех смыслах.

Но довольно; вероятно, к Вашему приезду я успею закончить статью; там подняты эти темы. Обрываю поневоле это письмо, ибо от слов к Вам надо перейти к... *словам о Вас* (спешу к 10-му написать статью)².

И почти не откликаюсь на Ваши слова об Новом Афоне, так они меня раззадорили, так хотелось бы сбегать куда-нибудь на месяц из Москвы, чтобы устояться с мыслями; а когда я мысленно перенесся к Вам, к возможности с Вами посидеть просто на берегу, на закате и тихо побеседовать или даже просто помолчать, — так даже, как капризному ребенку, захотелось проорать: «Хочу к морю, хочу к морю». Но увы: пока это все заповедано; предстоят лишь суеты сует; и кажется — конца им не предвидится. Кстати: к Вашим словам о машинах; мне кажется, что миф о ма-

шинах, о будущей роли их в эпоху домашней жизни у древнего человека себя изживал в мифах о гномах, сильфах, ундилах и саламандрах; энергия электрического разряда, овладение ею, — все это и заставляло человека строить «мифы» о Саламандре; с «саламандрами» этими мы и знакомимся теперь (не это ли вопрос, поднимаемый «Энергией» в тезисе: надо *очеловечить* машину). Но — довольно: обрываю себя. Еще раз спасибо, спасибо за доброе письмо и простите за очень корявый и запоздалый отклик на него.

В надежде скорой с Вами встречи.

Борис Бугаев.

Р. С. Клавдия Николаевна просит передать Вам сердечный привет и то, что она с огромным интересом прочла «Энергию».

¹ Чья жизнь в страданиях прошла,

Того спасти мы можем.

(Гете. «Фауст», ч. II. Перевод Б. Пастернака)

² Статья начата 24 января, закончена 6 февраля 1933 года.

3

〈Май 1933 года, после 17-го〉

Дорогой, милый
Федор Васильевич,

простите за глупые слова, — глупые от напека, вдруг охватившего безмыслия, отрезавшего от «вчера» и не прибавившего к «завтра»; попав в милый, белевский домик на горе, над морем, мы с Клодей чувствуем себя только в «сегодня»; и это «сегодня» мыслится двумя месяцами в Крыму с солнцем, морем и ветром. Я три года не отдыхал; и жил в каких-то сложных душевных перетерзях; попав сюда, — вдруг непроизвольно оглупел, впад в сон, впрочем, — заслуженный.

Но сквозь этот серебряноголубой сон (голубое море с серебряным отблеском) особенно чувствую радость встречи с Вами, как с человеком. Вы простите мне это признание, но хочется отсюда, издалека, Вам сказать, что наше знакомство я несу, как благодарность судьбе; в мой возраст (52 года), имея за плечами сотни отвеянных знакомств и десятки разлетевшихся дружб, знакомиться труднее, смотришь угрюмой и недоверчивей на тех, кого тебе шлет жизнь, но и ценишь в десять раз больше встречу с теми, кто тебе говорит. Спасибо же Вам за то, каким Вы оказались, как человек (а не только писатель), в моем сознании. С Вами и с Григ (орием) Алекс (андровичем) мне легко, просто, ясно; а ведь я при внешней общительности такой бирюк. Жизнь научила горечи и осторожности.

Теперь я в свою очередь мысленно Вас зову сюда и мечтаю о том, как хорошо было бы здесь провести с Вами тихие вечера у моря в словах и в молчании. В городе ведь разучиваешься говорить; слова, настоянные на ветре, зорях и звездах, не те слова, которыми обмениваешься в обсоре пеплом (над пепельницами); но знаю, конечно, что это утопия. Вспоминаю здесь Ваши мудрые советы мне, как быть с третьим томом «Москвы»¹. Но пока ни о чем не думается; чувствую, до чего я еще не готовый

В. Ф. Комиссаржевская. 1906

человек; впереди мелькает разное: от образов смерти до... начала какой-то новой жизни, в которой придется во всем заново учиться... Откуда-то встает Алтай; и манит: страна, где мне хотелось бы учиться новому очерку.

Вы разрешите мне иногда Вам посылать весточки? Был бы счастлив получить от Вас два слова. Вашей супруге привет.

Остаюсь искренне любящий

Б. Бугаев.

Р. С. Мой адрес: Крым. Коктебель. Литфонд. Б. Н. Бугаеву.

Датируется по «Летописи жизни и творчества Андрея Белого», из которой известно, что А. Белый с женой выехали в Коктебель 17 мая 1933 года.

¹ Имеется в виду роман «Маски» (1932).

4

Москва 34
Саймоновский проезд,
д. 5, кв. 36

3-VI-33

Бесценный Борис Николаевич!

Как Вы осчастливили меня своим письмом! Я перечитывал его несколько раз, и сердце волновалось нежностью, любовью к Вам. Если бы я умел писать письма (писать письма хорошо — это большое искусство, большая поэзия), я послал бы Вам целую поэму о том, как я вступаю в Вас всеми моими корнями, как я поразился Вами от первой встречи, как я боязливо (вдруг не выдержу!) чувствую Вашу сложнейшую красоту, прекрасную мятежность мудреца и воина. Я уже признавался Вам однажды в письме с Юга: Вы внесли в мою душу большое богатство и сознание своей бедности перед Вами. Чувствую, что общее у нас есть — это внутренний пламень, полеты к идеалу, возмущения и восторги... Но разница: какой я дикий, неотесанный, невежественный человек! Голова кружится, когда обжигается Вашим умом и знаниями. И талантами.

Я очень рад, что Вы хорошо устроились: Вам нужно хорошо и сытно отдохнуть, пропитаться солнцем и морем и совсем не работать. Пусть пока все зреет само собою, как злаки летом. Вы приедете после этого обновленным, омоложенным, как Фауст. Не сердитесь на фразистую патетику. Меня и так за это кроют все критики, ратующие за «предельную простоту».

А мы здесь потеряли солнце. Уже около десяти дней — промозглый холод, мокрый туман, непрерывные дожди, мрак. Хочется уехать, а нельзя: чистка партии и обществ(енная) работа.

Не работаю — озяб душою.

В литературе — перемены: Гронский хотя и остается до съезда председателем Оргкомитета, но de facto — не у дел. Во главе стал Фадеев с своей группой. Гронский проворонил и разбазарил все дело. А какие

были возможности! Не создал около себя актива, а начал играть с отдельных персон. И вышло: «Сев на троне, ногами заболтал». Два дня подряд он растерянно пускался со мною в разговор и не понял моих комментариев к истории его управления. А теперь в новых формах РАПП. Съезд будет в сентябре¹. За это время произойдет перестановка сил.

В свободное время больше читаю — читаю главным образом марксистскую литературу. За эти дни проштудировал «Под знам(енем) марксизма». Есть неплохая философская полемика с механистами, есть кое-что ценное из области философии естествознания и математики. Но оригинального и яркого нет ничего.

Кое-что просмотрел из беллетристики. Все — чистая корреспонденция, с мест, бытовщина. Вот что принимается за основу, за ведущую силу в нашем искусстве большинством («ведущей» силой) критиков. Вся разница между моим (и Вашим) пониманием искусства и «установками» наших критиков и литераторов в том, что я искусство мыслю как философию в образе, а они — как образ в эмпирике. Для меня искусство многомерно, для них — двухмерно, для меня — бесконечность, для них — ограниченность, для меня — бытийность, для них — бытность. Не знаю, кто из нас прав, но думаю, что искусство бытия долговечнее искусства быта, хотя оба направления вполне законны, и одно из них исторически в данный отрезок времени господствует над другим. Мое (и Ваше) искусство признается трудным и мало восприимчивым, а их — доступным и питательным. Но диалектически оба искусства живут все-таки одновременно, в неравномерном движении. Думать иначе — это значит быть эклектиком. Важно одно: жить в сердце эпохи, чутко его громы и слышать с движением жизни. Знать основной лейтмотив, смысл движения, угадать величие мудрости человеческих свершений нашего века. Во всяком эмпиризме есть большая доля пошлости и мещанского идиотизма.

Заболтался я, нагородил Вам всяких глупостей.

Жду от Вас весточки. В Москве я пробуду до августа. А хочется уехать. С Григ(орием) Александр(овичем) я только и нахожу часы отдыха. 4-я кн(ига) «Нов(ого) Мира» вышла. Гр(игорий) Ал(ександрович) Вам ее вышлет. Прочел Вашу статью, и мне стало не по себе: очень уж Вы переоцениваете меня. И мне стыдно за себя, что я так плохо отработал книгу. Я знаю свои провалы. Буду над ней работать очень много.

Горячий привет Клавдии Николаевне. Я очень полюбил ее. Как-то хорошо чувствую ее.

Целую Вас и крепко жму руку.

Ваш Фед. Гладков.

Пишите же. Ваши письма для меня — большая радость.

¹ Первоначально съезд советских писателей предполагалось провести в августе—сентябре 1933 года. Иван Михайлович Гронский (1894—1985) — председатель Оргкомитета Союза советских писателей в 1932—1933 гг., одновременно был главным редактором газеты «Известия» (1928—1934), журналов «Красная нива» и «Новый мир».

Коктебель. 17-го июня 33 г.

Дорогой Федор Васильевич,

я был радостно взволнован Вашим письмом; но эта радость, радость отклика (со-вестия: «сердце сердцу весть подает», «вы — письмо, написанное в сердцах», ап. Павел¹) тут же стала переходить в горечь от мысли, что волнение отклика, мгновенно вспыхнувшее, ищет слов, вызывает к бумаге; покатится по железной дороге и т. д.; пройдут дни... Желание тотчас *правдиво* ответить Вам есть единственная причина, почему ответ этот опаздывает.

Я по природе косноязычен. Мне слова, как коктебельские камушки: надо их долго ловить, долго складывать, чтобы целое их отразило переживание, лейтмотив которого вянут; а чисто композиторского умения превратить его в звук — нет; слова отняты; все эти недели переживаю себя бездарным, немым; косноязычие — основная мука моя; лишь 16 лет овладел я языком; никому верно не давалась способность к речи с таким трудом. Слово всегда во мне трудно нудится; с детства я был напуган пустотой обиходных слов; и оттого: до 16 лет все слова были отняты у меня; я волил больших слов; их — не было; нет и поныне.

Может быть оттого, что основная стихия моя есть музыка, смысл всякого слова виделся мне в нарастании смысловых модуляций и в их контрапункте; смысл — в жизни смысла, иль в росте его; как зерно, умирая, воскресает в многозернистости колоса, а колос становится нивой, зыблемой ветром, так волнение напрягает мне смыслы обиходных слов; так видишь: смысл смысла, и — смысл смысла смыслов и т. д.; слышишь в себе музыку строимого смыслового коридора, дверь к которому — смысл обиходный; пересекаешь же тот коридор лишь в музыкальном напеве; слова — отстают, не обложишь словами картину прозябания, разрастания, размножения слова до оправдания его в Правде; а всякое неоправданное слово, для которого нужны усилия творчества, в ответе на письмо, подобное Вашему, прозвучало бы ложью.

Не умеешь воскреснуть из обыденного словесного смысла; и бьешься о него, как о стены темницы. И порыв к сказу разбивается о немоту многих дней. Ведь правда слова не в совпадении абстракции с предметом представлений, а в перетворении этого предмета в такой, каким он встанет в царстве свободы, в конце огромного исторического периода. Чтобы сказать правду, мало быть правдивцем в абстрактном значении слова; и мало себя изживать в «истинах»; правда «я» — не истина, она и путь истины жизни, и жизнь истины; правда — творчество над комплексом истин, из которых каждая — модуляция: правда — в данных условиях; правда — тема в вариациях, истина — вариация темы; как таковая она часть истины.

Слишком рано, почти с младенчества мне стало понятным — в напеве, в сознанием не расшифрованном лейтмотиве; и это же понимание, вернее алканье правдивого слова, надолго лишило меня всех слов, так что взрослые считали меня отсталым ребенком; это ж алканье делает меня и теперь «отделенным»: «идиотес» по-гречески — «частный», «отделенный», «обособленный». И в этом смысле я и по сие время во многом — «идиот».

Сергей Городецкий. 1908

Но особенно поднимается во мне тема косноязычия, когда души касается живое слово, вызывающее к ответному живому, *правдивому* слову.

Знаю, что все написанное заключат критики в скобки романтики, но есть романтика и «романтика» (романтика); все слова многозначны; иные способны «романтикой» обругать и самую апелляцию к ритму жизни; а для меня нет смысла вне ритма, нет ритма вне смысла. Я хотел бы из всех словесных значений создать целое их, окрашивающее каждое значение новым качеством, *качеством правды*. Попадаешь часто впросак: меж легко дающейся красноречивою истиной и безгласною правдой. Отсюда частые паузы молчания — над жизнью моей; отсюда эта пауза в моем ответе Вам.

Дорогой Федор Васильевич! Не думайте, что эти слова — «философическое» вступление к письму; нет — они вводят in medias res²; весь месяц отдыха есть пауза молчания, осознаваемая как тоска по правде. Хочется быть правдивым; и как это трудно! Возможно ли? В какой мере возможно, где грань меж словом, как откровением правды и словом, как прикровением, которое в иных случаях правдивей хотя бы тем, что оно — честный отказ от правды из сознания, что правда выговаривается много-много два-три раза в жизни; и там она — жест, синтезирующий всю жизнь человека, порой — без единого слова («уход» Толстого, пуля Маяковского); порой она нисходит и громом слов (Ленин в Октябрьском перевороте) и т. д.

Все это вопросы, которые мучают: «Пишите правду», — сказал Гронский³; писать правду легко-де; но иногда нужны столетия, чтобы вызрело слово правды; и тогда оно — слово, дробящее камни.

Обычно охватывает отчаяние от собственного косноязычия, тупости, когда хочется мыслить правдиво; в руки дается ворох штампованных, иногда очень красивых истин, не промысленных до корней; летаешь на них, как на коньках, выписывая прихотливые вензеля с... «легкостью необычайной», велик соблазн прокататься на «истинах» всю жизнь; они же ведь... «истины», а не «лжи».

Но они — не «правда»; и стало быть: «истины» эти не истинны до конца.

Часто грешешь ложным пафосом quasineглупых и quasиправдивых высказываний; а оставаясь наедине с собой, все же ощущаешь себя только вороной в павлиньих перьях; перья не выращены из тела жизни; истина этих «истин» — не истина пути жизни в «я»; они заемны; правда — в перетворяющей организации их: правда есть организм живой жизни, этими «истинами» рожденный; правда — Феникс, истина — вытяжка, препарат жизни-ин!

Милый друг (Вы позволите Вас так назвать?) — не поза мое ощущение себя бесперой вороной в заемных павлиньих перьях; часто оно приходит, мучает, гнетет, повергает в немоту, хочется прочь от всех задачливых пестрых слов к тускло нудящимся словам о правде; всякий раз, когда хочу говорить правдиво, — я тускл; «яркости» отняты от меня; и это значит: как далеко еще мне от умения сказаться правдой и ей «оправдаться».

Мне стыдно слышать от Вас, прошедшего такую большую жизнь, оправдание моей личности; но принимаю его, относя его не к выявлению «личности» судорожно крикливой (ворона в перьях), а к безымянному тоскливому стремлению к правде, не имеющей выраженья ни в тусклых, ни в ярких «истинах». Правда в организации «истин»; организация — композиторское искусство, социальность — есть такт (ритм). Грех моего темперамента: отдаваясь «истине», я грешу против «правды»; вот что отвергает в косноязычие, вот чем мучаюсь я в правдивейшие минуты бытия.

Я жажду общения, обмена вестями о правде личности с теми, кто близок мне; жажду со-вѣстия. А что есть совесть? Правда в отдаче вестей и правда в их восприятии; перед невозможностью осуществить это поднимаются муки, которые называют муками совести; я бы хотел, чтоб слово «*совесть*» стало бы истинно социалистическим словом, мне

хочется слова «со-весть», «со-знание», «со-чувствие», «со-вет» сочетать с нам близкими словами «советская власть», мне хочется видеть слова эти в недрах вскрывшихся смыслов их; но не вскрываются недра вне революции сознания, культуры, вне царства свободы.

Федор Васильевич, делаясь этими мыслями, встающими из уединения, с Вами, я делюсь лейтмотивом этого месяца, прожитого в Коктебеле: или волны навели мне этот лейтмотив? Или впечатан он в древние очерки Киммерийских земель, которые пластались в тысячелетиях культурами, лившими кровь за свои «истины» в томленьях искания нам загаданной правды? Не знаю; и, может быть, брежу немного; может быть и слова мои навеяны полусном; что-то шепчет мне: «Будь правдив». И я с тоскою отвечаю: «Еще не умею, еще не могу, но... буду, буду: буду правдивым!»

И вот обращаюсь к Вам со смутной вестью о смутном, потому что знаю, что и Вы хотите правды; и знаете, как она мучительна, трудна, недосягаема почти. В муках о правде может быть и правда встречи нас, как людей. Мои слова к Вам могут прозвучать и как слова «ни о чем» и как слова «о самом главном», это делает человека человеку и товарищем, и другом, и братом; и кроме того: ведь тоска по правде, тоска о том, что еще нам всем далеко до нее, есть единственное содержание отдыха. Эта тоска «ни о чем» может стать «*всем, что ни есть*», и в каждом жизненном случае она дает печать «нового качества». Мне же она по-новому поднимает задания ближайшего пис(ательского) съезда; не шутка — ответственно провести пред сознанием твой долг перед съездом, содержанием которого являются задачи соц(иалистического) реализма; его лозунг: «пишите и говорите п-р-а-в-д-и-в-о». Авербахам ничего не стоит оглушить нас треском слов о «правде». Нам, с нашими взысканием, с тоской по правдивости — нелегко подготовить себя; и я со страхом рисую картину себя на съезде: быть или не быть, говорить или не говорить, участвовать или только присутствовать? В последнем случае — лучше отсутствовать. Не легко все это вырешить.

Вероятно, И. М. Гронский не был организатором, вероятно, он не мог справиться со всеми минами и контрминами, закладываемыми неликвидированными группировками и т. д. Но я ему верил как человеку; и продолжаю верить; пусть его слова о правде, о реализме были примитивны и нас не удовлетворяли; но сквозь них я слышал порыв к правде в том смысле, в каком я косноязычно пытаюсь писать Вам; и поверив И. М., я его полюбил и знаю, что во главе Оргкомитета должен стоять социалист и че-ло-век, а не аппарат: человек правдивый, с интуицией момента, а не политиканствующий, чиновник. Я знаю, что многим нужно было отстранить И. М. не потому, что он понимал упрощенно задачи Союза сов(етских) пис(ателей), а потому что он был горяч, правдив и неподкупно честен. И я очень очень скорблю. Более того: как-то не верится, что на съезде отдельные люди с верой в соц(иалистическое) будущее и с лейтмотивом правды в душе дадут нужный тон съезду. Опять пойдет чехарда подтасовки, лозунгов, и заранее переполнен гадливым отвращением.

Мне 52 года. Я много испытал превратностей; сквозь года писательской жизни, верьте, — перегорело во мне все личное; мне терять нечего;

можно и умирать; не страшно, коли замордуют (и мордовали, и пере-хваливали); карьера, спекуляция, желание играть роль — все это глубоко отвратительно мне. Я всегда слышал ритм революции и сам никогда от сов(етской) действительности не уходил, но всегда свертывался и уходил, как улитка, в свою раковину, когда люди от имени революции вдруг начинали меня мордовать; и это не абсентеизм, а чувство собств(енного) достоинства и просто отвращение к трамвайной давке; видя, как озверело бьются, чтоб вскочить на подножку трамвая, я отходил от трамвая, но от сов(етской) действительности я не уходил, нося в себе образ культурной революции, необходимо завершающей социальную; это меня *уходили*, а потом «приходили» литературные спекулянты.

Боюсь, что уход И. М. отразится на съезде тем, что неликвидированные группировки и этот значительный момент нашей жизни превратят в побойше при трамвайной подножке; опять будут и мордасы, и травли, с инсинуациями. И заранее уж готовлюсь к этому, нащупывая себе зимнюю квартиру, где бы можно было укрыться от холода, ибо бороться с интригами, вести мины и контрмины не хочу.

Писатель — это звучит гордо; и — да: я писатель; и в иные минуты я чувствую свой долг высоко держать голову и не допускать, чтобы тебе плевали в лицо.

Что сказать о Коктебеле? Дни текут мерно, монотонно; наш дом отдыха переполнен главным образом служащими Ленгиза, «Гихла» (Ленинградского), «Дома книги», публика — тихая, мирная; в общем очень симпатичная. Из писательских братий кроме меня, Мандельштама с женой да Мариенгофа — никого; оба мне далеки, но с Мариенгофом относительно легко: он умеет быть любезно-далеким и легким. А вот с Мандельштамами — трудно; нам почему-то отвели отдельный столик; и 4 раза в день (за чаем, обедом, 5-часовым чаем и ужином) они пускаются в очень «умные», нудные, витиеватые разговоры с подмигами, с «что», «вы понимаете», «а», «неправда ли»; а я — «ничего», «не понимаю»; словом: М. мне почему-то исключительно неприятен; и мы стоим на противоположных полюсах (есть в нем, извините, что-то «жуликоватое», отчего его ум, начитанность, «культурность» выглядят особенно неприятно); приходится порою бороться за право молчать во время наших тягостных тэт-а-тэт'ов; но это — сущие пустяки по сравнению с рядом преимуществ нашего Дома; администрация исключительно любезная (не за страх, а за совесть). Кормят нас превосходно, почти до отвала, кухня — прекрасная, заведующий проявляет чудеса ловкости в размещении гостей (нас — свыше 30 человек) и развертывании «Дома» в поселок; в самом «Доме» мало комнат; и заведующий снимает комнаты у частных владельцев около «Дома», что разрешает комнатный кризис; так: мы живем в уютной комнате сторожа «Дома», над «Домом» (в 150 шагах) совершенно изолированно, с террасой, с видом на море, горы; соседи наши — милая пара (муж и жена, Канторовичи: он художник,

Андрей Белый и К. Н. Бугаева. 1933

вернувшийся из плавания на «Сибирякове»); с ними уютно и просто. Я очень люблю Коктебель: в его скромных очертаниях что-то изящно задумчивое, навевающее думы: в воздухе разлита спокойная уютная грусть, последняя — от непогоды, ясных дней — мало; жарких же — почти нет; я даже еще не купался, а только раз окунулся в море, жена — два раза; много читаю беллетристики; очень понравился мне роман «Время вперед» (В. Катаева); ему, конечно, далеко до «Энергии», но роман восхищает мастерством иных страниц; и тема соц(иалистического) соревнования проведена с большим захватом.

Вот, милый Федор Васильевич, почти все о нашем житии; оно больше в думах, чем в событиях.

Еще раз простите за глупое, очень разъехавшееся письмо. Но длина его от потребности насытить желание беседой с Вами. Очень, очень

хочу Вас видеть; и надеюсь, что еще раз увидимся с Вами в Москве до Вашего отъезда в августе.

Крепко обнимаю Вас и остаюсь любящий Вас

Борис Бугаев.

P. S. Вашей супруге привет.

Милый Федор Васильевич! Спасибо Вам за хорошие ласковые слова. Их хочется сказать взаимно. Во мне тоже от наших немногих встреч осталось светлое теплое чувство. Точно мы с Вами и прежде были знакомы. Может быть, это какой-то, трудно передаваемый в словах, ритм русского сознания, очень широкого, очень глубокого и музыкально свободного. Его слышу в Вас и в Григории Александровиче. И он совсем без слов дает возможность сказать: «Знаю, знаю!»— Простите за эти неумелые строчки.

Всего лучшего

Кл. Бугаева

¹ Второе послание к коринфянам Св. Ап. Павла, гл. 3.

² *In medias res* (лат.) — буквально: «в середину вещей», т. е. в центр, в самое главное, самое важное.

³ Видимо, А. Белый имеет в виду вступительную речь И. М. Гронского на первом пленуме Оргкомитета: «Что такое реализм? В переводе на простой язык это — правда. Когда мы говорим писателю — будь представителем социалистического реализма, мы говорим — пиши правду» (Советская литература на новом этапе. М., 1933, с. 10).

6

⟨6 июля 1933 года⟩

Коктебель

Дорогой Федор Васильевич!

получили ли Вы мое длинное, витиеватое письмо? Витиеватость его от обычного для меня косноязычия, вызванного переменной жизнью. А перемена в ритмах огромная; ведь я 3 года не отдыхал, пишучи книгу за книгой. И вдруг попал в полное безделье, ибо не взял с собой никакой работы. К сожалению, погода не способствует прогулкам, купанью и т. д. Сегодня 6 июля, а только-только не зябнешь: точно начало июня у нас, под Москвой; вчера и всю ночь сегодня — дождь; и тот же воющий ветер, который сопровождает нас 1½ месяца, обвистывая наш уютный беленький домик. Море — холодное, 15—16° — не более; приходится купаться с перерывами; 2 дня купаешься, 2 дня — нет: то — прибой, то — ветер с берега угоняет теплую воду; и вода леденеет, а солнце — палит; то, наоборот, — теплеет море; но — хлещет дождь, и к морю не проберешься: такая липкая грязь.

Но сквозь все незадачи буду вспоминать с благодарностью Коктебель, который, таки, нам отдых дал.

На днях с большим удовлетворением прочел рецензию об «Энергии»

в «Известиях»¹; особенно порадовала меня мысль, что «Энергия» есть и политическое руководство. Так оно и есть: худ(ожественные) произведения именно силой искусства конкретизируют и политику.

Надеюсь скоро увидеть Вас: мы уезжаем в Москву, 15-го, 17-го или 19-го июля².

Не без страха думаю о Москве: придется сразу же окунуться в неприятные разговоры с «Федерацией»³ и т. д.

Пишу это письмо между прочими. Затем, чтоб сообщить Вам, что я Вам ответил. Приходится осведомляться о письмах: здесь они пропадают. Остаюсь искренне любящий Вас

Борис Бугаев.

Р. С. Шлю привет Вашей супруге. Клодя просит передать Вам сердечный привет.

Датируется по тексту письма.

¹ Речь идет о статье А. Стецкого «Пафос строительства», опубликованной в газете «Известия» от 28 июня 1933 года. Статья подписана инициалами — А. С.

² 15 июля с А. Белым случился обморок, вызванный солнечным перегревом. В Москву он выехал 29 июля.

³ Видимо, имеются в виду переговоры по поводу издания третьей части «Воспоминаний» — «Между двух революций». Опубликовано в 1934 году в «Издательстве писателей в Ленинграде».

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ КАНВА ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

Составитель А. В. Лавров

При составлении использованы рукописная «Летопись жизни и творчества Андрея Белого», подготовленная вдовой писателя К. Н. Бугаевой (ГПБ, ф. 60, ед. хр. 107), и ее же «Хронологические таблицы замысла, написания и переработки произведений Андрея Белого» (ЦГАЛИ, ф. 391, оп. 1, ед. хр. 66). Многие сведения, сообщаемые К. Н. Бугаевой, не имеют иных документальных подтверждений.

Использованы автобиографические сочинения Андрея Белого и его рукописи справочно-регистрационного характера: «Материал к биографии (интимный), предназначенный для изучения только после смерти автора» (1923) (ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 2, ед. хр. 3), «Материалы к биографии» (1919—1927 гг.) (ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 98), «Себе на память» (перечень прочитанных лекций, рефератов и публичных выступлений за 1899—1932 гг.) (Там же, ед. хр. 96), «Жизнь без Аси» (ГБЛ, ф. 25, карт. 31, ед. хр. 1), «Работа и чтение» (1916—1917) (Там же, ед. хр. 6), «Передвижения за 1910—1918 год (Жизнь с Асей)» (Там же, ед. хр. 16), «Передвижения (Хронологическая канва с 1921 по 1933 г.)» (ГБЛ, ф. 25, новое поступление) и др. Учтены данные, извлеченные из переписки Андрея Белого (изданной и неопубликованной), другие материалы документального характера, результаты исследовательских разысканий.

В цитатах приняты следующие сокращения: *МБ* — «Материал к биографии (интимный)....»; *РД* — «Ракурс к Дневнику», составленный Белым свод автобиографических сведений, широко использованный в «Летописи» К. Н. Бугаевой.

Датировки до 1918 г., относящиеся к пребыванию Белого в России, даются по старому стилю, относящиеся к пребыванию за границей — по новому стилю; в ряде случаев приводятся двойные датировки.

1880—1895

1880, 14 октября (26 октября н. ст.). Борис Николаевич Бугаев родился в Москве, в доме Рахманова на углу Арбата и Денежного переулка. Отец — Николай Васильевич Бугаев (1837—1903), математик, профессор Московского университета. Мать — Александра Дмитриевна Бугаева, урожд. Егорова (1858—1922).

1884, май — сентябрь. Первое лето в Демьянове (Клинского уезда Московской губ.), в имении В. И. Танеева.

— *Осень.* Первые впечатления от поэзии и музыки.

1887, январь — февраль. Обучение грамоте и музыке (с матерью).

1889, май. Поступление гувернантки — француженки Беллы Радэн.

— *Лето.* В Демьянове.

1890, конец апреля. Поездка в Киев.